

I. Дискуссия о тоталитаризме

А.Ю.Ватлин

Сопротивление диктатуре как научная проблема: германский опыт и российская перспектива

Веком колючей проволоки назвал уходящее столетие известный немецкий политолог Петер Штайнбах¹. Колючей проволокой были опутаны окопы двух мировых войн, на ней держался “железный занавес” от Берлина и до Кореи. Но главным ее предназначением, своего рода черной отметиной двадцатого века стала система концлагерей, в которых диктаторская власть содержала и уничтожала своих истинных и мнимых противников. Государственный террор, война против собственного народа являлась несущей опорой тоталитарных систем, накрывших своей тенью значительную часть европейского континента².

Две страны пережили искушение “простых решений” в особом объеме, заплатив за него миллионами человеческих жизней, уходом за рамки международного общежития и мучительным прозрением. Это Россия и Германия. В отечественной и зарубежной историографии не затихают дискуссии о возможности и необходимости сопоставления “третьего рейха” и сталинской диктатуры, менталитета их вождей, политических и карательных механизмов. Даже краткий обзор современного состояния этого спора потребовал бы отдельной статьи. Хотелось бы остановиться лишь на одном из аспектов сравнительного анализа диктатур двадцатого века, который пока остается в тени. Речь идет о сопротивлении тоталитарным режимам, причем сопротивлению в самом широком смысле, включающем в себя не только политическую оппозицию и попытки их свержения, но и широкий спектр общественного протеста, от неконформизма и апатии до полукриминальных форм отказа “шагать в ногу”.

Что мы традиционно понимаем под сопротивлением? Это сознательное невыполнение правил, установленных политическим режимом. В этом плане можно говорить и о сопротивлении в условиях демократии - неуплата налогов, отказ от

---

¹ Steinbach P. Diktaturerfahrung und Widerstand. - *Widerstand und Opposition in der DDR*. Hrsg. von K.-D.Henke, P.Steinbach, J.Tuchel. Koeln, Weimar, 1999, S.57.

² *Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления*. М., 1996.

службы в армии, вызывающая одежда и поведение. Но демократия дает людям гораздо больше шансов участия в политическом процессе, государство само приглашает своих граждан разделить ответственность за происходящее. В условиях тоталитарного режима, прикрывающегося идеологической непогрешимостью и пытающегося сформировать тип “нового человека”, рамки “созидательного поведения” определены сверху и чрезвычайно сужены. Тем шире становится спектр протестного поведения. В классической модели тоталитаризма практически отсутствует проблема сопротивления, оно оказывается уделом обреченных одиночек в духе орвелловского Уинстона Смита. Оппоненты справедливо видят в этом “ахиллесову пята” тоталитарной модели, но пока не в состоянии предложить позитивную альтернативу, способную с ней поспорить.

Процесс “преодоления прошлого” в послевоенной Германии неотделим от споров о сопротивлении нацизму. ФРГ и ГДР ревниво отстаивали “свой” антифашизм, строя на этом фундаменте легитимацию собственной политической системы. После воссоединения страны в Германии сохранилась широкая сеть научно-исследовательских центров, мемориальных комплексов, посвященных жертвам “третьего рейха” и борцам с преступным режимом. Близится к завершению амбициозный проект “Топография террора” - создание мемориала на месте штаб-квартиры СС и Гестапо в самом центре Берлина. Нацистский террор и сопротивление ему неотделимы в методическом построении экспозиций, неважно, расположена ли она на месте концлагеря или в штаб-квартире вермахта, где находились заговорщики 20 июля 1944 г.

Традиции антифашистского сопротивления стали признанной частью политической культуры ФРГ, внося свой вклад в стабильность второй германской демократии. В свою очередь она обеспечивает консенсус в позитивной и целостной оценке сопротивления тоталитаризму как “части универсального движения в защиту прав человека там, где для этой защиты отсутствуют конституционные средства, где вместо закона правит произвол”³. Взгляды, рассматривающие антифашистов как агентов иностранных спецслужб или предателей родины, давно уже находятся вне сферы научных дискуссий.

Иное дело в России. Здесь нет даже минимального согласия в оценках советского периода российской истории - для кого-то он продолжает выступать в качестве смелого социального эксперимента или неизбежного пути модернизации, кто-то видит в нем сплошную катастрофу и даже Божье испытание, посланное народам Российской империи. Поэтому принятие или неприятие термина “сопротивление”, а тем более его оценка, обещает стать полем острых дебатов, имеющих явное политическое звучание в современной России. Обещает, потому что научных работ на эту тему в России практически нет, она отдана на откуп по-

литикам и публицистам. Попытка выделить здесь какие-то точки консенсуса приводит исследователя в сферу идеологизированного мифотворчества, заменяющего на сегодняшний день историографию.

Итак, миф первый: в Советском Союзе не было организованного сопротивления политическому режиму, за исключением борьбы эксплуататорских классов за свое существование - борьбы, исход которой был решен в гражданской войне и сталинской коллективизации. Достигнутая однородность советского общества делала ненужными любые проявления социального протеста, а истоки политического протеста вроде диссидентского движения находились в штаб-квартирах западных спецслужб. В развернутом виде эта концепция гуляет по страницам газет левых радикалов, самым “народным” ее выражением является тезис о том, что Горбачев - агент влияния ЦРУ. Излишне говорить о том, что здесь термин “сопротивление” просто неуместен, а если он и употребляется, то с отрицательным, даже криминальным душком приснопамятной “антисоветчины”.

Миф второй: сопротивление как общественно значимая величина невозможно в условиях “высокого сталинизма”, из протестов одиночек в те годы не складывается чего-то большего. В подтексте слышится все та же национальная гордость великороссов: “наш тоталитаризм - самый тоталитарный в мире”. В результате сопротивление “уходит” исключительно в эмиграцию, и лишь после частичной либерализации режима в ходе хрущевских реформ вновь возвращается в СССР. Но подобная позиция имеет право на существование лишь при узком, исключительно политическом понимании сопротивления. Как раз в период максимального закручивания гаек стоит обратить внимание на его массовые проявления - предъявляя все более жесткие требования к каждому члену общества, партийно-государственный аппарат расширял рамки нонконформистского поведения.

И наконец, третий миф, считающий, что именно сопротивление общества (на сей раз в самом широком смысле этого понятия) привело к краху партийную диктатуру в СССР. Горбачевская перестройка стала революцией наоборот - “верхи” не хотели, а “низы” не могли больше жить в прокрустовом ложе “развитого социализма”. Отдавая должное мужеству людей, решившихся “жить не по лжи”, признаем очевидное: конец КПСС был результатом неудавшейся попытки ряда партийных идеалистов подновить систему, которой воспользовались партийные прагматики, сумев за ничтожный по историческим меркам срок переделить колоссальные объемы собственности и власти. И уже сегодняшняя российская действительность порождает такие “превращенные” формы сопротивления произволу государственной машины, как обращение к криминальным авторитетам или экономическая эмиграция.

---

³ Steinbach P. *Widerstand im Widerstreit. Der Widerstand gegen Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen*. München 1994. S. 290.

Вне поля притяжения этих мифов остается реальная история противостояния власти и общества, идеологии и морали, существенным аспектом которой и является сопротивление. Ориентируясь на ценности либеральной демократии, общественное мнение современной России только проиграет, если оставит без внимания воспитательную силу его примера. Это вдвойне обидно для страны, интеллигенция которой любит извлекать уроки из прошлого, правда не всегда отдавая себе отчет в том, что же делать с полученным результатом.

И здесь немецкий опыт преодоления прошлого, имеющий более чем полувековую историю, но отнюдь не заверченный, мог бы нам весьма пригодиться. Речь не идет о том, чтобы в очередной раз “учиться у немца” - исторический путь каждой из стран уникален, и следует говорить о взаимодействии, а не заимствовании. Отечественные историки ставят вопрос о формировании “антитоталитарного консенсуса” в современной России⁴, и настоящая статья задумана как движение в этом направлении. Попробуем взять доминирующие взгляды в германской историографии сопротивления и приложить их к нашей истории. Это позволит понять, работают ли утвердившиеся на Западе исторические модели применительно к Советскому Союзу, можно ли говорить об общих чертах сопротивления тоталитарным режимам в разных странах, и в то же время лучше увидеть его национальную специфику.

Сравнительный анализ оптимально работает лишь при сопоставлении диктатур, которые большинство исследователей относит к числу тоталитарных - речь идет о двенадцати годах “третьего рейха” и “сталинизме” как целостной общественно-политической системе, просуществовавшей от рубежа 30-х гг. до смерти Сталина. Однако сопротивление и в России, и в Германии нельзя ограничивать только этими хронологическими отрезками. Имеется немалый опыт “второй германской диктатуры” - ГДР, к изучению которого активно приступили немецкие исследователи. Еще сложнее с советским опытом, где наслоились друг на друга несколько неравнозначных, а порой и противоположных потоков: национальное, антикоммунистическое, внутривластное сопротивление. Попробуйте привести к общему знаменателю Кронштадт 1921 г. и Новочеркасск 1962 г., Троцкого и Сахарова, Рютина и Солженицына! Делая акцент в настоящей статье на антисталинском сопротивлении, автор будет выходить за пределы 30-50-х гг., чтобы вписать его в более широкий исторический контекст и показать его динамику.

---

⁴ Борозняк А.И. *Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?* М., 1999, с.11; *Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию.* М., 2000.

***

И здесь сразу же встает первая научная проблема - определение границ того, что можно назвать сопротивлением той или иной диктатуре. Немецкая историография имеет здесь весьма богатый опыт. С одной стороны, в ГДР подлинным и едва ли не единственным противовесом нацистскому режиму выступали коммунистические подполье и эмиграция, с другой - в ФРГ многие отказывались от признания их антифашистского потенциала только потому, что “КПГ служила другой диктатуре”. Конфликт достиг своего апогея в 1994 г., когда сын графа Штауфенберга потребовал удаления с выставки, посвященной юбилею заговора 20 июля 1944 г., портретов Вальтера Ульбрихта и других лидеров КПГ⁵. Ценой огромных усилий организаторам выставки удалось достичь разумного компромисса.

Отдавая должное чувствам наследников деятелей сопротивления и интересам стоявших за образами этих деятелей политических сил, немецкие историки избрали единственно верную стратегию, которая может быть применена и в России. Речь идет о формировании “интегральной модели сопротивления”, охватывающей все его формы и проявления, а также открытой для новых научных результатов. Единственный критерий - несогласие с гитлеровским режимом и открытое его проявление - избавляет историков сопротивления от деления объектов исследования на “чистых и нечистых”.

Путь западногерманской историографии к “интегральной модели сопротивления” был долгим и тернистым. Пережив шок правды о преступлениях нацизма, общественное сознание ФРГ в 50-е годы отказывалось принимать новую информацию об антифашистском сопротивлении, ссылаясь на то, что это будет лить воду на мельницу “советской зоны”. Преобладали правовые аргументы - участники заговора 20 июля 1944 г. нарушили присягу, оказались предателями родины и т.д. Результаты работы историков по конкретным сюжетам немецкого сопротивления просто замалчивались прессой. Прорыв пришел вместе с завершением эры Аденауэра и волной молодежных протестов 68-го года - политическая конъюнктура подтолкнула исследовательский интерес. Было “открыто” сопротивление рабочих партий, включая и КПГ, оказавшееся самым массовым и по числу участников, и по числу жертв⁶. Появились первые работы о группах сопротивления в отдельных регионах, в концлагерях, о молодежном протесте и т.д.

Еще большее значение имело расширение спектра действий (или отказа от них), попадавших под понятие “антитоталитарного сопротивления”. В 1981 г. Р.Левенталь предложил включать в него “сознательную политическую оппози-

---

⁵ 20.Juli 1944. Der Streit um den 50.Jahrestag. - Rheinischer Merkur, 24.Juni 1994.

⁶ Peukert D. Der deutsche Arbeiterwiderstand 1933-1945. - Nationalsozialistische Diktatur 1933-1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983, S.633.

цию, общественный протест и мировоззренческое диссидентство”⁷. В первом случае речь шла о подготовке свержения нацистского режима, прорыве информационной монополии и сплочении собственных рядов, в том числе и в эмиграции. Общественный протест был несравненно шире, он часто проходил под эгидой церкви, выражался в невыполнении приказов и включал в себя даже “бытовые” формы неприятия нацизма (отказ приветствовать окружающих возгласом “Хайль Гитлер!”). Ему был присущ пассивный характер, стремление сохранить ниши автономной общественной жизни, пусть даже в рамках певческого союза. Наконец, диссидентство подразумевало отказ художников и литераторов от любых форм сотрудничества с гитлеровским режимом, уход во “внутреннюю эмиграцию”. С известными коррективами это деление Левенталя может быть перенесено и на российскую почву.

В отличие от “третьего рейха”, появившегося по историческим меркам мгновенно, сталинская диктатура проделала сложный процесс становления и деградации. А следовательно, менялся состав и установки ее противников. Вспомним белое движение, которое не отличали симпатии к демократии, вспомним внутрипартийные оппозиции 20-х гг., требовавшие социализма без Сталина. Можно долго спорить о том, кто здесь являлся плохим противником, а кто хорошим соратником новой власти. До тех пор, пока она олицетворялась партией, в сопротивление ей можно включать всех, кто выступал против идеологизированной “диктатуры пролетариата”. После того, как власть стала отождествляться со Сталиным, к числу участников сопротивления можно отнести и внутрипартийную оппозицию, боровшуюся с режимом личной власти, пусть даже под флагом другого, “чистого социализма”.

В каждый конкретный отрезок времени менялось не только самосознание участников той или иной формы протеста, но и подход к ней власти. Так, в 20-е годы большевистский режим достаточно спокойно относился к забастовкам на государственных предприятиях, рассматривая их как неизбежное зло, порождаемое “узкими местами” народного хозяйства и произволом местной администрации. Лидер советских профсоюзов Михаил Томский на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. отмечал с иронией, что в России рабочие выигрывают больше стачек, нежели их товарищи за рубежом⁸. Участников же забастовки рабочих Новочеркаска в 1962 г. (расцвет хрущевского “либерализма”!) расстреляли войска, хотя в ее ходе городским властям предъявлялись исключительно экономические требования.

---

⁷ *Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945*. Hrsg. von R.Löwenthal und P.von zur Mühlen. Berlin-Bonn, 1984. S.14

⁸ РГАСПИ. Ф.17, оп.2, д.375, л.29.

В годы “третьего рейха” немецкие исследователи отмечают две волны сопротивления - затухающую на этапе становления диктатуры и нарастающую после решающих поражений Гитлера на фронтах второй мировой войны. Если в первом случае инициатива в руках власти, то в 1943-1945 гг. террор СС и гестапо теряет свой целенаправленный характер, превращается в огонь по площадям. Группы подпольщиков, особенно из структур вермахта, получают шанс на открытое выступление против Гитлера. В России также можно констатировать два всплеска массового сопротивления - на входе в диктатуру (гражданская война) и на выходе из нее (перестройка). Кроме них, обращают на себя внимание такие пики внутривластной борьбы, как насильственная коллективизация, оттепель середины 50-х и диссидентство 70-х гг. Ослабляя или затягивая узду, власть порождает новое соотношение сил, и общество либо огрызается, либо пытается использовать новый минимум свободы как плацдарм для дальнейшего наступления.

Столь важная для сторонников тоталитарной модели идеократия сближает сталинизм и нацизм, отрицая правовую защищенность личности и порождая позитивное отношение к насилию для достижения “высших целей”. Отсюда вытекает превентивный характер их борьбы с потенциальным сопротивлением - в концлагеря, которые не были изобретением ни большевиков, ни нацистов⁹, отправляли лиц определенных национальных, социальных категорий или политических взглядов без установления за ними личной вины.

Россию и Германию объединяла ведущая роль государства в процессе модернизации, неразвитость гражданского общества и культуры политического протеста, что породило систему “мнимого конституционализма” в этих странах¹⁰. После первой мировой войны они оказались “париями Версаля”, причем в каждой из них был начат масштабный социально-политический эксперимент. Веймарскую Германию державы-победительницы активно приобщали к демократии, не забывая попутно подтачивать ее стабильность непосильными репарациями. Большевики положили Россию на алтарь мировой революции пролетариата, но она поднялась оттуда в старом образе “патерналистской империи, стремящейся превзойти или перегнать опасных соседей и навязать свои ценности остальному миру”¹¹.

Реакции россиян на притеснения властей всегда были крайними - либо бунт, либо смирение. В этом плане политическое сопротивление и царскому са-

---

⁹ Первые концлагеря в современном понимании этого слова появились в период англо-бурской войны в Южной Африке.

¹⁰ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997, с.195-207.

¹¹ Булдаков В.П. Эра советской диктатуры в России. - Россия и Германия... с.123.

модержавию, и сталинизму имело вполне европейский характер, не смешиваясь с народным протестом против “неволи” - но охватывало, исключая пред- и послереволюционный период 1905-1921 гг., ничтожную часть населения. Обращает на себя внимание явная преемственность его форм в период как “белой”, так и “красной” диктатуры. Это прежде всего ведущая роль эмиграции, где вместо России, но для России формировалось общественное мнение, шла партийно-политическая борьба, воспитывались кадры политической оппозиции. Без эмиграции невозможно представить себе ту информационную войну, которую вели между собой российская власть и интеллигенция со второй половины XIX века.

Для масс были характерны иные формы протеста, они выражали свое отношение к политическому режиму (“что царь, что Ленин, все одно”) в анекдотах, частушках. Уже в феврале 1918 г. был привлечен к суду революционного трибунала некто Конкин, сапожник по профессии, за “распространение провокационного содержания стихотворения по адресу Народного Комиссара Ленина”¹². Достаточно невинный и примитивный стишок едва не стоил “социально близкому элементу” лишения той самой свободы, которую обещали ему только что пришедшие к власти большевики. За годы гражданской войны они научились и манипулировать общественным сознанием, и применять репрессии невзирая на лица и социальные категории¹³.

В 20-е годы в России был развернут мощный партийно-государственный аппарат политического контроля за населением, опиравшийся на традиции “царской охраны”, но давший им новую идеологическую базу¹⁴. В огромном количестве следственных дел по политическим преступлениям фигурирует фраза “вел анти-советские разговоры”, достаточная для ареста и осуждения человека. Крайне узкие рамки конфромизма в те годы размывали грань между сознательным и бессознательным протестом - даже отсутствие портретика вождя в квартире рассматривалось как скрытая оппозиция режиму.

Репрессивную деятельность большевистского государства в отношении собственных граждан облегчали как исторические традиции, так и сознательно культивировавшаяся в годы правления коммунистов правовая безграмотность населения. Постоянной практикой было издание секретных законов (с грифом “не для печати”) и ведомственных приказов. В результате “в советском обществе сложилось своеобразное восприятие самого понятия “право”. В массовом сознании оно отождествлялось не с конституцией или законом и уж тем более не с естест-

---

¹² “Пришла на смену жизнь иная” - Мемориал-Аспект. 1995, № 16, с.3.

¹³ Павлюченков С.А. *Военный коммунизм в России. Власть и массы*. М., 1997, с.202-228.

¹⁴ Измозик В.С. *Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918-1928 гг.* Санкт-Петербург, 1995.

венными правами человека, а с конкретной деятельностью тех или иных правоохранительных учреждений”¹⁵.

В “третьем рейхе” признание террора легитимной функцией власти внедрялось в общественное сознание иначе. Нацистский режим эксплуатировал законопослушание немцев, страх не перед государством, а страх потерять его. Веймарская республика представлялась многим консервативным публицистам периодом распада не только общественных ценностей, но и общественных структур - Версаль отобрал у немцев полноценное государство, оставив их беззащитными перед враждебным внешним миром. Не случайно закон от 23 марта 1933 г., вводивший в стране чрезвычайное положение и легитимизировавший террор новой власти, содержал в собственном названии целую программу “устранения бедствий народа и государства”.

В отличие от Германии после 30 января 1933 г. в Советском Союзе не было жесткой детерминированности сползания в тоталитаризм. Лишь на рубеже 30-х гг. была окончательно отброшена возможность “нормализации” большевистского режима, превращения его в авторитарно-консервативную диктатуру по типу царского самодержавия. Невиданные темпы сталинской модернизации страны были бы невозможны без постоянного использования машины террора. В настоящее время у нас есть достаточно данных лишь по ее антикрестьянским акциям, однако нет сомнений, что с начала 30-х гг. ОГПУ переносит акцент своей деятельности на “переквалификацию”, а говоря проще, фальсифицирование политических преступлений из растущего числа случаев общественного протеста. Пока это только гипотеза, доказать которую сможет анализ больших массивов следственных дел того периода.

Особенностью крестьянского сопротивления в сталинской России являлось то, что его формы после подавления массовых восстаний зимы-весны 1930 г. были мало отличимы от уголовных деяний. Крестьяне редко убивали партийных руководителей на местах, но постоянно воровали и портили колхозное имущество. После того, как их ограбило государство, они воспользовались старым ленинским лозунгом “грабь награбленное”. Здесь срабатывало специфически российское чувство справедливости, определявшееся не внутренними мотивами, например, христианской этикой, а внешним примером - если кому-то можно, то можно и мне. Последующая история СССР показала, что бороться с этим стереотипом, освящавшим мелкое воровство как протест против собственной бедности и одновременно против системы, не дававшей человеку “обогащаться”, невозможно. При Брежневе воров даже перестали называть свои именем - они превратились в “несунов”, ими начали заниматься партийные комитеты и сатирические журналы.

---

¹⁵ ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М., 1998. с.16.

Отказ нацистского режима от радикальных социально-экономических преобразований избавил его от подобного рода сопротивления. В мотивации немцев к производительному труду “на благо рейха” преобладал пряник, а не кнут. “Социалистская” составляющая нацизма как раз и проявлялась в том, что государство поднималось над конфликтом труда и капитала, выступало в роли опекуна и примирителя¹⁶. Принудительный труд заключенных концлагерей в 30-е годы не играл заметной роли в хозяйственной жизни страны¹⁷. Гестапо начало заниматься экономическими преступлениями только в годы войны, когда резко выросло число актов саботажа (порча оборудования и выпуск некачественной продукции) на военном производстве, особенно там, где были заняты иностранные рабочие.

Для тоталитарных режимов, как справедливо отмечают немецкие исследователи, характерна “криминализация политических противников”. Достаточно вспомнить Лейпцигский процесс о поджоге рейхстага, обвинения антифашистов в шпионской деятельности в пользу врагов рейха и т.д. К советскому опыту это относится лишь отчасти. Да, в ходе показательных процессов 1936-1938 гг. из обвиняемых делали бандитов и террористов, но в то же время огромное количество бытовых преступлений и в годы “большого террора”, и до него получало усилиями карательных органов политическую окраску. Это подтверждает даже беглый осмотр следственных дел Московского управления ОГПУ-НКВД. Так, в 1933 г. за “диверсионный акт” был репрессирован целый цыганский табор, работавший на строительстве завода “Шарикоподшипник” в Москве. Так и не получив денег за работу, цыгане просто подожгли бараки, в которых проживали¹⁸. В 1937-1938 гг. даже мелкое хулиганство на “протокольной трассе” от Арбата до Дорогомиловской заставы квалифицировалось по 58-й статье как подготовка террористического акта и завершалось смертным приговором. Подобные примеры можно было бы продолжать до бесконечности.

Это не было инициативой усердствующих низов, как утверждают западные историки “ревизионистского” направления. Известна предыстория появления закона о хищениях социалистической собственности - Сталин лично настаивал на “драконовских мерах” вплоть до смертной казни. 20 июля 1932 г. в письме Кагановичу он подводил под них классовую базу: “хищения организуются главным образом кулаками (раскулаченными) и другими антиобщественными элементами, старающимися расшатать наш новый строй”¹⁹. Давление сверху находило отклик у конкретных исполнителей. Деятельность НКВД, особенно во второй по-

---

¹⁶ Kranig A. Arbeitnehmer, Arbeitsbeziehungen und Sozialpolitik unter dem Nationalsozialismus. - *Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft*. Hrsg.von K.D.Bracher, M.Funke, H.-A.Jacobsen. Bonn, 1992.

¹⁷ *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur*. Hrsg.von U.Herbert, K.Orth, Ch.Dieckmann. Bd.1. Goettingen, 1998.

¹⁸ ГАРФ. ф.10035, оп.1, д.11167.

¹⁹ РГАСПИ. ф.81, оп.3, д.99, л.109.

ловине 30-х гг., отличалась масштабными фальсификациями, чего не было в практике гестапо даже на исходе второй мировой войны. Отсюда огромное различие в количестве “внутренних” жертв сталинского и гитлеровского режима, дающее богатую пищу для “историков с калькулятором в руке”²⁰.

Если проблема отделения безвинных жертв тоталитаризма от его реальных противников имеет этический характер - согласно современному законодательству России и Германии все жертвы политических репрессий должны быть реабилитированы и получить компенсацию за произвол ушедшей власти, - то решение вопроса, было ли конкретное преступление политическим или нет, влечет за собой серьезные правовые последствия. То, что пресловутая 58-я статья УК РСФСР, описывавшая антигосударственные деяния, не может быть достаточным критерием истины, давно уже понятно исследователям, работающим со следственными делами ОГПУ-НКВД 30-х гг.

Обратимся к конкретному примеру. На подмосковном полигоне Бутово с августа 1937 г. по октябрь 1938 г. было расстреляно более 20 тыс. человек (речь идет пока только о документально подтвержденных случаях)²¹. Около 14 тыс. дел расстрелянных - политические, они прошли процедуру реабилитации и находятся на государственном хранении. Порядка 7 тысяч человек было расстреляно в Бутово по уголовным преступлениям и не реабилитировано. Наряду с матерыми рецидивистами среди них немало “социально опасных элементов” - нищих, бродяг, просто зевак, случайно оказавшихся на пути следования правительственных кортежей. В тех случаях, когда для выполнения лимитов репрессий на местах привлекались работники уголовного розыска, они зачастую пользовались “родными статьями” УК. Очевидно, для родственников этой категории расстрелянных имеет совсем не академическое значение, подлежат ли они посмертной реабилитации.

Подготовители книг памяти жертв Бутовского полигона столкнулись с неразрешенной пока проблемой - давать ли биографии всех расстрелянных, или только “политических”. Здесь тоже может прийти на помощь немецкий опыт. Сотрудники “Мемориала немецкого сопротивления”, располагающегося в историческом здании командования вермахта, которое должно было стать штабом заговорщиков 20 июля 1944 г., готовят мартиролог лиц, казненных в берлинской тюрьме Плетцензее. Излишне говорить, что среди трех тысяч жертв процент ре-

---

²⁰ Дискуссию о соотношении количества жертв коммунизма и фашизма в XX веке спровоцировал выход во Франции в 1998 г. “Черной книги коммунизма”, редактор которой С.Куртуа пришел к выводу, что на совести коммунистов всего мира около 100 млн. погибших, а на совести нацизма - вчетверо меньше. Русское издание книги с предисловием А.Н.Яковлева появилось в 1999 г., но пока не вызвало заметного всплеска эмоций в отечественной историографии.

²¹ Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД “объект Бутово” 08.08.1937 - 19.10.1938. М., 1997.

альных участников сопротивления несравненно выше, чем в Бутово. Однако и здесь немало казусов нацистской юстиции. Например, воровство на дачных участках берлинцев (воровали в основном кроликов и прочую живность те, кто не получал продовольственных карточек) в дневное время каралось обычным образом, а вот совершенное под покровом темноты, оно уже превращалось в военное преступление и приводило воришку на гильотину. Немецкие исследователи подходят к проблеме этически нейтрально, считая, что все казненные в равной степени являлись жертвами “преступного режима” и развязанной им войны, и все они в равной степени должны быть представлены в мартирологе.

Нарастание кризиса в СССР после начала сталинской “революции сверху” привело к активизации не только массовых полукриминальных форм сопротивления (куда отнести, например, подделывание продовольственных карточек матерью, на руках у которой трое детей?) - оно не могло не вылиться в протесты той части партийного аппарата, которая отказывалась слепо следовать “генеральной линии”. К началу 30-х гг. Сталин искоренил оппозицию в Политбюро, но она проявлялась среди “старых большевиков”, номенклатуры ЦК. Наиболее известно дело “группы Рютина”, решение по которой было принято ЦКК и одобрено членами Политбюро 10 октября 1932 г. Не прошло и двух месяцев, как объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК занялось очередной антипартийной группой.

Дело Толмачева-Эйсмонта преследовало цель завершить разгром “правых” и в очередной раз продемонстрировать непримиримость партийного руководства к любому проявлению инакомыслия. Технология обвинения была уже отработана до мелочей - “пьяные пирушки”, разговоры с выражением недовольства, донос бдительного партийца, разбор в ЦКК. Материалы дела были розданы прямо на заседании 27 ноября, с ними не могли познакомиться заранее даже обвиняемые. Скучность собранного фактического материала с лихвой компенсировалась четким сценарием травли, в которой участвовали все без исключения соратники Сталина.

Представляет особый интерес новая интерпретация центрального пункта обвинения - разговоров о “снятии” Сталина. Этот пункт являлся обязательным во всех “антипартийных делах” того периода и вел свою родословную еще от Ленина, от его знаменитого письма съезду с предложением заменить Сталина на посту генсека. Группа Толмачева-Эйсмонта не добавила к нему ничего нового. Однако теперь это намерение в устах Сталина получало явно террористическую окраску:

“Группировка имеет целью коренное изменение линии партии, говорит, что нынешняя линия ведет страну к гибели, что надо Сталина убрать, ну снять ли его, убрать ли - как хотите... А хотят изменить политику ЦК таким образом, что

создают нелегальную группу и пускают слова: такого-то убрать, снять, убить - как хотите, что-то в этом роде”²².

Туманные намеки Сталина были прекрасно поняты его соратниками. Орджоникидзе заявил напрямую об угрозе террора, исходящей от бывших и нынешних оппозиционеров: “В политической борьбе мы не боимся никого, пожалуйста, выкладываете платформу. Но бандитских способов политической расправы мы должны бояться и должны их предупреждать... ГПУ предупредит (т.е. обезвредит - А.В) того, кто хочет перейти нашу границу и кого-нибудь стрелкнуть. Мы будем всеми мерами эту границу охранять, но охранять от Толмачева и других - это труднее. Поэтому здесь всякая попытка, всякое хулиганство, проявляемое около нас, должно быть моментально задавлено”²³.

В этой цитате уже содержится идеология “большой чистки”, подпитываемая патологическим страхом вождя перед заговорами и террористическими актами в отношении себя самого. Сталин лишь выжидал, продумывая механизм ее реализации. Убийство Кирова, скорее всего не носившее характера политического протеста, стало удобным поводом для того, чтобы применить эту идеологию на практике.

Гитлера тоже сопровождает постоянный страх стать жертвой террористического акта, который прервет выполнение его исторической миссии. 22 августа 1939 г. он так объясняет командующим войсками вермахта необходимость скорейшего развязывания войны: “Ввиду моих политических способностей все в значительной мере зависит от меня, от моего существования ... оно есть фактор огромного значения. Но я могу быть в любой момент уничтожен каким-нибудь преступником, каким-нибудь идиотом”²⁴.

Не проходит трех месяцев, и пророчество фюрера почти сбывается. 8 ноября 1939 г. в мюнхенской пивной “Бюргерброй”, где проходит очередная встреча участников путча 1923 г., взрывается бомба. Погибло восемь человек, помещение было полностью разрушено. Но Гитлер покинул помещение за 13 минут до этого - чудесное спасение лишь утвердило его в собственной избранности. За час до взрыва на швейцарской границе был задержан столяр Иоганн Георг Эльзер, в одиночку изготовивший адскую машину с часовым механизмом. Попытка властей обвинить его в связях с британскими спецслужбами и устроить показательный процесс провалилась - настолько далек был простой подмастерье от большой политики.

---

²² РГАСПИ. Ф.17, оп.163, д.1009, л.14, 17. Это реплики из первой короткой речи Сталина на заседании 27 ноября, которая не была включена в рассылавшуюся высшим партийным функционерам стенограмму (так называемую “красную книжку”).

²³ Там же, л.91-92.

²⁴ Цит. по: *Вторая мировая война: два взгляда*. М., 1995, с.90.

В шестидесятилетнюю годовщину этого покушения, одного из самых невероятных покушений на Гитлера, в прессе ФРГ развернулась дискуссия о том, можно ли оправдать поступок Эльзера, перечеркнувший жизнь невинных жертв²⁵. Попытка его морального осуждения и вывода за рамки антифашизма не удалась - оппоненты настаивали на том, что “убийство тирана” является признанным способом сопротивления угнетенных со времен античности. Урок здесь в другом - со стороны консервативно настроенных историков и публицистов постоянно ведется наступление на “интегральную модель сопротивления”, которая не позволяет выстроить иерархию противников гитлеровского режима, отдать их под контроль политической конъюнктуры.

В советской истории индивидуальный террор также занимает не последнее место. В 1918 г. его жертвами стали несколько лидеров РКП(б), и лиц, покушавшихся на их жизнь, вряд ли ждет политическая реабилитация более 80-ти лет спустя. В 20-е годы от руки эмигрантов из России погибло несколько советских дипломатов. Однако нельзя забывать и о том, что позже оружие терактов было востребовано сталинским режимом, готовившим и осуществлявшим убийства не только бывших советских, но и иностранных граждан, в частности Иосифа Броз Тито²⁶. Отсутствие реальных покушений на Сталина избавляет профессиональных историков от необходимости рассматривать проблему “тираноубийц” в конкретной плоскости, однако разработку вопроса о границах допустимого в политической борьбе против диктатуры можно было бы только приветствовать. Сталин и здесь успел нанести превентивный удар, одоблив сценарии московских показательных процессов как разоблачение подготовки покушений на себя лично и свое ближайшее окружение. Но их “осуждение” в речах Вышинского не должно оставаться последним словом правовой и моральной оценки террора как формы политического сопротивления.

Сравнивая динамику государственного террора в условиях сталинизма и нацизма, очень трудно провести параллели между военными периодами обеих стран. Если в годы войны сталинский режим пошел на ослабление идеологического давления и сумел мобилизовать народ под лозунгом “Родина-мать зовет!”, то нацисты, наоборот, это давление усилили. Что же касается предвоенного периода, шести с половиной лет “третьего рейха”, то он имеет больше точек соприкосновения с внутривнутриполитической ситуацией в нэповской России, нежели с победившим сталинизмом.

Речь идет прежде всего об утверждении однопартийной диктатуры и отказе от уступок любого рода “попутчикам” (вытеснение меньшевиков из Советов и правлений рабочей кооперации, осуждение “сменовеховства”, процесс эсеров 1922 г., “философский пароход” и т.д.), изоляции политических противников в

---

²⁵ Fritze L. Die Bombe im Buergerbraeukeller. - Frankfurter Rundschau, 8.November 1999.

концлагерях (наиболее известным из которых был Соловецкий) при акценте на экономические уступки основной массе населения. Те партийные лидеры, которые не разделяли курса большинства в Политбюро, предавались идеологической анафеме, но отнюдь не рисковали жизнью. Выдавливание “бывших” из всех сфер общественной жизни, включая культуру, государственный аппарат и хозяйство, имело определенное сходство с практикой преследования евреев в Германии до погрома “кристальной ночи” в ноябре 1938 г. Обратим внимание на то, что в массовом сознании первого десятилетия советской власти эти репрессии получали буквально биологическую трактовку: “искоренить весь их дворянский род”, “чтобы не было в народе больше белой кости”.

Аналогичные процессы можно проследить и в “третьем рейхе” 30-х гг., где власть делала ставку на идеологическое воздействие и интеграцию, а не устрашение подавляющего большинства населения. Те, кто не вписывался в понятие “арийской общности” по политическим или расовым соображениям, терял шанс на достойное существование в рейхе, но имел возможность эмигрировать. Рядовые члены и низовые функционеры “марксистских партий” после массовых арестов 1933 г. выпускались под подписку об отказе от враждебной деятельности. К началу второй мировой войны в нацистских концлагерях оставалось около 25 тыс. заключенных.

Пожалуй, лишь в “ночи длинных ножей” 30 июня 1934 г. Гитлер опередил Сталина, уничтожив по хладнокровно разработанному сценарию своих бывших соратников, продолжавших сохранять немалое влияние в НСДАП и движении штурмовиков. Однако эта акция остается единственной, и фюрер почти до последних дней сохранял доверие к своим соратникам, в то время как поздний Сталин вновь и вновь тасовал верхушку номенклатурной колоды и в результате обрек оставшихся у кормила власти в СССР после своей смерти на возвращение к “ленинским нормам коллективного руководства”.

А вот параллели между раскулачиванием и голокаутом, “классовым и расовым геноцидом”, оказавшиеся в центре “спора историков” в ФРГ середины 80-х гг.²⁷, представляются слишком поверхностными. Здесь совпали лишь масштабы и отчасти технология репрессий, но отнюдь не их мотивация. В отличие от “раскулачивания”, ставшего бесспорным вкладом Сталина в идеологию марксизма-ленинизма, репрессии против евреев были запрограммированы традицией национал-социализма, став своего рода расовой мстью униженных и оскорбленных преуспевающим и удачливым. Здесь объект репрессий являлся в первую очередь олицетворением вселенского зла, и в этом заключалась его вина.

Достаточно ограничены возможности сравнения голокауста и массового террора в СССР 1937-1938 гг. Схожи жесткие временные рамки операций, их ориен-

---

²⁶ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1994, с.390.

тация на “окончательное решение вопроса”. Каждый из политических лидеров заранее готовит себе алиби, выдавая собственные замыслы за ответ на проiski классового или расового врага. Летом 1935 г. Сталин подчеркивает: “последышам умирающих эксплуататорских классов ничего больше не остается, как напасть перед смертью”²⁸. В январе 1939 г. Гитлер, выступая в рейхстаге, говорит буквально следующее: “Сегодня я вновь выступаю в роли пророка. Если международному финансовому еврейству внутри и вне Европы вновь удастся ввергнуть народы в мировую войну, то результатом окажется не всемирная большевизация и победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе”²⁹.

Конкретный результат, подразумевавший безжалостную расправу тоталитарного государства над той или иной категорией собственного населения, был достигнут в каждом случае, но в стратегическом плане это был шаг режима к пропасти. Начав массовое уничтожение евреев, Гитлер сознательно ухудшил свои шансы в войне, ибо голокауст не имел никакого смысла ни для обеспечения безопасности тыла, ни для подъема воинственного духа у немцев. Сталин же искренне хотел повысить обороноспособность страны, избавившись в ходе массовых репрессий от “пятой колонны”, всех тех, кто был обижен нынешней властью и в глубине души мечтал о реванше. Результат известен - демографические потери, лишенная лучших кадров Красная Армия и деморализация населения.

Здесь присутствует важный момент, не реабилитирующий сталинский произвол, но позволяющий понять его отличие от нацистской модели. Физическое уничтожение людей остается в коммунистической идеологии “исключительной мерой”, и это касается даже 1937 года - власть срочно останавливает репрессии, когда об их масштабах начинает догадываться население. В национал-социализме, где господствует борьба за выживание, гибель слабейшего, будь то одиночка, народ, раса или государство - явление нормальное и даже положительное. Здесь не было никаких границ уничтожению людей, которых власть предержавшие не считали себе подобными.

---

²⁷ См. Борозняк А.И., Указ соч, с.108-122.

²⁸ Реплика Сталина на июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1935 г. - РГАСПИ. Ф.17, оп.2, д.547, л.67.

²⁹ Развернутую интерпретацию речи Гитлера см. Kley S. Intention, Verkuendung, Implementierung. Hitlers Rede vom 30.Januar 1939. - Zeitschrift fuer Geschichtswissenschaft, 2000, Н.3, S.197-213.

***

Массовый террор в СССР 1937-1938 гг. стал завершающим аккордом борьбы тоталитарной власти с гражданским сопротивлением, т.е. стремлением отдельных людей сохранить недоступную для этой власти нишу личной жизни, отстоять свое право на “иное мнение”, пусть даже не выражаемое публично, избежать навязываемых сверху ценностей и стереотипов поведения. В отличие от политического сопротивления, ориентированного на противодействие системе и потому носящего наступательный характер, гражданское сопротивление есть реакция личности на внешнюю ложь и насилие. Оно не нуждается в организации, вождях и идеологии - его идеалы заложены в каждом человеке. Но именно гражданское сопротивление ведет к внутренней эрозии тоталитарных режимов, и Сталин предпочел в 1937 г. палить из пушки по воробьям, чтобы на поколения закрепить в своих подданных страх перед властью - страх, парализовавший не только их сопротивление, но и гражданскую ответственность за происходившее в Советском Союзе. “Пусть верхи разбираются, нас это не касается,” - с такой установкой большинства населения страна не могла выдержать конкуренции ни с западной политической моделью, ни с постиндустриальной экономикой.

После “кристальной ночи” в Германии, которая как бы перенимает эстафету “большого террора” (в Москве в те дни идут аресты подручных Ежова и готовится постановление ЦК ВКП(б) о нарушениях социалистической законности в органах НКВД), возможность параллелей в оценке динамики сталинского и гитлеровского террора уменьшается. В СССР репрессии проводились исключительно государственным аппаратом, причем уже существующими органами - подразделения НКВД выросли численно, но ни их структура, ни механизм оперативной работы не претерпели серьезных изменений. Не являлась изобретением 1937 г. и система внесудебных органов репрессий - “троек”. Напротив, в “третьей рейхе” проведение расовых чисток становится уделом партийной гвардии - СС, которая выстраивает в годы войны систему использования труда заключенных, аналогичную ГУЛагу, и запускает невиданные в человеческой истории фабрики смерти.

В отличие от антиеврейской кампании в Германии Сталин не идет на развязывание “народной инициативы” в осуществлении репрессий - на многочисленных митингах речь идет только о показательных процессах, масштабы же реального террора тщательно скрываются от населения. Его повседневная практика позволяет говорить об уничтожении целых социальных и национальных групп населения³⁰, и в то же время формально каждому из репрессированных предъявлялось индивидуальное обвинение.

---

³⁰ Ярким примером такой детерминированности стала “польская операция” НКВД, определявшаяся приказом Ежова № 00485 от 11 августа 1937 г. - См. Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники “Мемориала”. Вып. 1. М., 1997.

В Германии конца 30-х гг. была иная ситуация. Нацистская юстиция карала за реальное участие в сопротивлении режиму, расширяя круг действий, попадавших под определение “антигосударственной деятельности”. Однако это были незначительные цифры - в 1937 г. “народный суд”, занимавшийся преступлениями такого рода, вынес только 10 смертных приговоров. В то же время определенные категории населения репрессировались с конца 30-х гг. вообще без участия органов юстиции. Если сталинский террор касался всех и каждого, то террор нацистов носил четко выраженный расовый характер: поляки, евреи, цыгане, славяне в отличие от “арийцев” как правило не представляли перед судом, а направлялись напрямую в концлагерь на уничтожение. Их вина в этом случае исчерпывалась расовой принадлежностью.

Какое воздействие оказал пик террора на сопротивление сталинскому и нацистскому режиму? Весьма различное. Если голокауст, набравший обороты в ходе войны, давал дополнительные аргументы немецким деятелям сопротивления в пользу насильственного уничтожения Гитлера, то в СССР после “большой чистки” о каком-либо проявлении протеста говорить не приходилось. Полулегендарные выступления отдельных партийных функционеров против террора³¹ лишь оттеняли общую картину “мертвой тишины”. Сопротивление в СССР в отличие от Германии никогда прямо не угрожало основам политического режима.

Однако в отдаленной перспективе сталинский террор оказал даже большее воспитательное воздействие на советское общество, и не потому, что открытое и скрытое размежевание с ним занимало общественное сознание на протяжении более чем трех десятилетий. Гитлеру помимо террора человеческим сообществом был предъявлен обширный счет преступлений. Для Сталина 1937 год стал ахиллесовой пятой выстроенного им собственного культа, и этим не преминул воспользоваться его политический преемник. В известном докладе Хрущева на XX съезде КПСС содержались намеки на то, что здоровые силы в партии сопротивлялись произволу “культа личности” - тем самым была заложена основа концепции сопротивления нелегитимной власти, которая вдохновляла последующие поколения диссидентов и просто людей, однажды прочитавших “Архипелаг ГУ-Лаг”.

Будучи сам актом сопротивления, этот литературный труд рассказывал о его конкретных проявлениях на воле, на следствии, в лагерях. Он стал своего рода лакмусовой бумажкой, позволявшей определять, “что такое хорошо, а что такое плохо”. Число его читателей в самиздатском варианте было невелико, но именно они стали мультипликаторами восстановления исторической памяти в годы перестройки. Как это ни парадоксально, но без “большого террора” 1937-1938 г.

---

³¹ Так, по некоторым данным министр здравоохранения Каминский на июньском пленуме 1937 г. заявил Сталину: “Таким образом мы всю партию перестреляем!” - Старков Б.А. *Арьегардные бои старой партийной гвардии. В книге: Они не молчали.* М., 1991, с.215-220.

крах коммунизма в СССР мог бы оказаться гораздо более болезненным и даже кровавым, либо пошел бы по китайскому варианту, и мы по сей день ездили за рубеж только после обстоятельной беседы в партийном комитете. Застраховав себя превентивным террором от массового сопротивления, Сталин подложил бомбу замедленного действия под всю политическую систему, дискредитировав ее перед последующими поколениями.

Если оставить в стороне расовый террор, соотношение репрессированных участников сопротивления и просто невинных людей в сталинском СССР и нацистской Германии прямо противоположно. Если противники “третьего рейха” вели свою деятельность на свободе, а в гестапо наступал момент истины, то подавляющее большинство советских граждан оказывалось на Лубянке совсем не за то, что оно действительно совершило. С арестом для немецких антифашистов как правило кончалось их участие в движении сопротивления. Для большинства советских людей именно арест и становился отправной точкой осознанного сопротивления режиму.

Попав в одну из многочисленных Лубянок, человек сталкивался с ложью системы, обращенной против него лично. Окончательно сбивало его с толку то, что в камере для допросов “и представитель власти, и подследственный... заявляли о своей принадлежности к одной и той же партии, о своей преданности одной и той же политике, одному и тому же правительству, и даже одному и тому же человеку - вождю партии”³². В годы массового террора арестованным предлагалось подписать уже готовый протокол допроса, где было расписано их участие в “антисоветской деятельности”. Простой отказ от этого, сам факт отрицания лжи, которую требовал признать за правду представитель государства, уже являлся актом сопротивления. Тем более что за этим следовали моральные и физические пытки, не уступавшие самым изощренным приемам средневековой инквизиции. Свидетельства тех, кто прошел через эти круги ада, являются потрясающим документом.

Вот выдержка только из одного документа - это жалоба заключенного финна Вайно Карттунена, одного из крупных деятелей Карельской автономной республики, в ЦК ВКП(б) от 3 октября 1938 г. “Я был на допросе “на стойке” более тридцати суток, из коих двадцать трое суток непрерывно, без сна... После того, как начальник следственного пункта “Пески” Коган наступал тяжелым сапогом на пальцы моих ног, нанес несколько ударов мне в грудь и таскал за бороду, я ему заявил, что ваше применение физической силы не приведет ни к чему и спросил его: что он хочет от меня, нельзя ли договориться без нанесения мне физической боли о результате следствия, я сказал, что был и остаюсь коммунистом, большевиком и преданным делу партии до последней капли крови. На это он мне отве-

---

³² Гнедин Е.А. *Выход из лабиринта*. М, 1994, с.42.

тил: “Если в тебе осталось хоть чуть коммунистического, то дай нам нужные показания (не надо себя мучить, у нас хватит сил, чтобы тебя заставить) в интересах нашей партии ВКП(б), Советской власти и миллионов людей”. На его предложение я согласился и предложил следствию написать любого содержания протокол, который по содержанию является необходимой защитой ВКП(б), Советской власти и миллионов людей - и я этот протокол подписал”³³.

Приведенная цитата показывает, что там, где оказывалось бессильным физическое воздействие, срабатывало моральное давление, установка на то, что интересы партии превыше всего. Но и сломленные на допросах люди, возвращаясь в камеры, вновь пытались сопротивляться, направляя в ЦК партии и руководство НКВД все новые и новые петиции в надежде на то, что рано или поздно “наверху разберутся”. Промежуток между датой ареста и первым “признательным” допросом в следственном деле является во многих случаях единственным свидетельством личного мужества и гражданского сопротивления (как правило, на допросах, где обвиняемый отрицал свою вину, протокол не составлялся).

После приговора, на этапе, заключенные пытались проводить из вагонов митинги, в лагерях создавали альтернативную администрацию, писали коллективные письма протеста в Москву. В бараках постоянно находили листовки и “контрреволюционные надписи”, на праздники заключенные вывешивали лозунги вроде следующего: “Нашу кровь, кровь большевиков Сталин перекачивает в золото”³⁴. До 1937 г. действенной формой протеста против нечеловеческих условий содержания в тюрьмах были голодовки. В ходе подготовки к массовому террору составлялись списки “инициаторов разного рода волынок и обструкций”, и заключенные осуждались по второму разу - на сей раз по “первой категории”.

После войны сопротивление принимает более активные формы - по ГУЛАГу прокатывается волна восстаний, в некоторых лагерях заключенные ведут бои с войсками. Более месяца продолжалось Кенгирское восстание 1954 г. - в лагере были созданы органы самоуправления, работала самодеятельность, проводились богослужения³⁵. Как правило, все эти акты сопротивления заканчивались большой кровью - были уничтожены почти все участники первого из вооруженных восстаний, в Воркуталаге зимой 1942 г., при подавлении восстания в Норильске летом 1952 г. погибло более 1000 заключенных.

Их руководителями становились, как правило, люди, имевшие за своими плечами не только “антисоветскую” статью образца 1937 г., но и опыт политической борьбы на свободе - в подпольных организациях партий меньшевиков и эсеров, чаще - во внутрипартийных оппозициях 20-х гг. Сходство форм политического

³³ ГАРФ. ф.10035, оп.1, д.п-22202, л.75-76.

³⁴ “Хотелось бы всех поименно назвать...” По материалам следственных дел и лагерных отчетов ГУЛага. М., 1993, с.122.

³⁵ “Воля. Журнал узников тоталитарных систем”. 1994, № 2-3. с.307-370.

сопротивления в годы “третьего рейха” и сталинизма во многом определял тот факт, что его возглавили социалистические рабочие партии. В Германии после прихода Гитлера к власти консервативные силы уходят во внутреннюю эмиграцию, а из страны уезжают представители рабочих партий, деятели авангардного искусства и т.д. В СССР можно отметить обратную закономерность - левая оппозиция оставалась в стране, “бывшие” же вели борьбу из эмиграции. На первых порах советская власть даже гарантировала своим вчерашним соратникам из социалистического лагеря особые условия содержания в тюрьмах - так называемую политическую изоляцию. Чего стоило требование эсеров в Суздальской тюрьме, чтобы их выводили на прогулку по партийным фракциям! Выезд из страны рассматривался многими из политзаключенных, особенно теми, кто прошел через царскую каторгу, как проявление трусости, и они вновь обращались к привычному арсеналу приемов и методов подпольной борьбы.

Остается открытым вопрос о том, насколько советские карательные органы использовали инструментарий царской “охранки”, но результат налицо - сколько-нибудь значительной подпольной сети в СССР ни троцкистская оппозиция, ни социалистические партии создать так и не смогли. Опыт сопротивления, приобретенный в условиях традиционного авторитарного режима, оказался мало пригодным в условиях новой диктатуры. Точно так же этот опыт, переданный через систему школ Коминтерна германским коммунистам, не привел к формированию устойчивого центра КПГ в “третьем рейхе”, не уберег партию от колоссальных репрессий³⁶.

Свою роковую роль в этом сыграла партийная пропаганда, убеждавшая сторонников КПГ, что фашизм победил Веймарскую демократию задолго до 30 января 1933 г. (впервые такая “победа” была зафиксирована Карлом Радеком еще в ноябре 1923 г.). Социал-демократы, напротив, усыпляли себя надеждой на то, что Гитлер не решится разорвать конституцию и его правительство окажется всего лишь эпизодом авторитарной деградации Германии. О политических иллюзиях российской эмиграции в 20-30-е годы можно говорить бесконечно, и тем не менее именно она оставалась носителем “иного мнения”, игнорировать которое тоталитарная власть не могла, тратя огромные силы и средства на противодействие ей вплоть до физического устранения ее лидеров и идеологов.

Одной из центральных задач и КПГ, и СДПГ оставалось поддержание контактов между эмигрантским руководством партий и их сторонниками внутри Германии. “Железный занавес”, построенный Советской Россией уже в годы нэпа, был несравненно более прочным, чем нацистский контроль на границах “третьего рейха”. Особое внимание уделялось аппарату советских представительств за рубежом - не случайно драконовские меры против “невозвращенцев” принимаются

---

³⁶ Duhnke H. *Die KPD von 1933 bis 1945*. Köln, 1972.

Политбюро ЦК ВКП(б) как раз в момент “великого перелома”. 25 ноября 1929 г. оно утвердило проект закона о перебежчиках, которым грозила конфискация имущества и расстрел в 24 часа после задержания без даже формального судебного расследования³⁷.

Под тотальным контролем находилась переписка с границей, личные, а тем более профессиональные контакты легко трансформировались в обвинение в “шпионаже”. Так, одно из ответвлений “академического дела” затрагивало группу известных искусствоведов и археологов Москвы, международные научные связи которых рассматривались сотрудниками ОГПУ сквозь призму “классового подхода”³⁸. Тем не менее герметически закрыть страну большевистскому руководству не удавалось ни в 30-е годы, ни позже, а в ряде сфер (например, допущение джаза и других проявлений “буржуазной культуры”³⁹) приходилось даже идти на уступки. Впоследствии технический прогресс, повсеместное распространение радиоприемников поставили точку на бесплодных усилиях советского режима добиться идеологической непорочности населения.

Нацистскому режиму пришлось столкнуться с радиопропагандой в полном масштабе лишь в годы войны, до тех пор подпольное сопротивление распространяло в основном печатную продукцию. Находившаяся в Золингене подпольная типография КПГ до 1935 г. печатала газету “Роте Фане” тиражом 10-12 тысяч экземпляров. По оценкам гестапо, в 1935 г. в Германию было ввезено 1,5 млн., а в 1936 г. 0,9 млн. листовок, две трети которых было издано коммунистами, а треть - социал-демократами⁴⁰. Не менее рискованной, чем ввоз нелегальной литературы в страну, была поставка информации вовне, для эмигрантской прессы. Правда о реальном положении дел в стране подтачивала идеологическую легитимацию того или иного режима, формировала его подлинный образ за рубежом. Серьезное влияние на западное общественное мнение имело периодическое издание эмигрантского правления СДПГ - “СОПАДЕ”⁴¹, общий объем которого превысил 9000 страниц.

Наиболее известны сообщения из России, появлявшиеся в издававшихся в Берлине “Бюллетене оппозиции” (органе сторонников Троцкого) и “Социалистическом вестнике” (органе эмигрантского правления РСДРП). Судя по качеству информации, ее поставляли достаточно высокие чины советской номенклатуры. Не случайно в стенограммах пленумов ЦК ВКП(б) 20-30-х гг. постоянно приво-

³⁷ РГАСПИ. Ф.17, оп.163, д.812, л.91-94. Законопроект, внесенный в Политбюро наркоматом юстиции, редактировался лично Сталиным.

³⁸ ГАРФ, ф.10035, оп.1, д.п-21128.

³⁹ Интересно, что в “третьем рейхе” джаз подвергался гонениям с уже иной мотивацией - он рассматривался как “музыка негров”, свидетельствующая об их расовой неполноценности.

⁴⁰ von zur Mühlen P. Sozialdemokraten gegen Hitler. - *Widerstand und Verweigerung...* S.69.

⁴¹ *Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands 1934-1940*. Hrsg. von K. Behnken. Frankfurt a.M., 1980.

дились ссылки на эти издания - похвала в них была равносильна политической смерти. Так, в период борьбы с “правым уклоном” сталинское большинство делало акцент не только на самом факте встречи Бухарина и Каменева в июле 1928 г., но и на публикации ее протокола в “Социалистическом вестнике”.

Идеологическая зашоренность немецких коммунистов не позволяла им выступать в роли носителя правды о ежедневной жизни “третьего рейха”. Они были скорее мастерами ударных пропагандистских акций, вроде издания “Коричневой книги” о гитлеровском терроре или проведения контрпроцесса по делу о поджоге рейхстага. Эти акции находили своих адресатов прежде всего среди левой западной интеллигенции и в Советском Союзе, где коммунистические издания являлись единственным легально допускавшимся голосом внешнего мира. Заложенные ими антифашистские традиции не мог прервать и короткий период “дружбы” двух диктаторов в 1939-1941 гг.

На второе место после антифашистской борьбы рабочего движения современная немецкая историография ставит сопротивление церкви. Этот институт олицетворял собой этическую традицию общества, хотя и не мог находиться вне политической конъюнктуры. Если в России православие находилось под патронажем царской власти и в 1917 г. потеряло все свои привилегии, то католическая и протестантская церкви Германии не скрывали своего негативного отношения к “хаосу” Веймарской республики, а потому на первых порах заинтересованно отнеслись к “национальному правительству” во главе с Гитлером.

Нацисты не делали попыток исключить церковь из общественной жизни, хотя год от года их отношения с ней становились все более напряженными. Линия раскола прошла не между властью и церковью, а внутри последней - между теми, кто был готов принять новые ценности, и теми, кого не покидал дух Нагорной проповеди⁴². Богоборческие тенденции нацистского режима оказывались скорее маргинальным явлением - из школ и детских садов изымались распятия, сокращалось преподавание закона божьего, провозглашались новые праздники взамен христианских. Главная ставка делалась на подновление протестантизма в национальном духе - соединением образов Бога и фюрера занимался клир организации “Немецких христиан”.

Ответом протестантских священников стало создание “Исповедывающей церкви” (Bekennende Kirche), неполитический характер сопротивления которой отчасти сдерживал репрессивную машину. Протесты церковью приостановили нацистскую программу эвтаназии - умерщвления безнадежно больных и умалишенных. Сказывались и постоянные заигрывания нацистского руководства с церковью, придавшие действиям ее представителей особую смелость в момент, когда режим после непоправимых военных поражений потерял свои социальные

---

⁴² Steinbach P. *Der Widerstand gegen die Diktatur...* S.461.

опоры. Именно церковь наряду с социалистически мотивированными антифашистами стала в мае 1945 той силой, которая призвала к покаянию и новому началу национальной истории.

Лишь на первый взгляд может показаться, что в СССР оппозиция православия правящему режиму после проигранного лобового столкновения первой половины 20-х гг.⁴³ была меньшей, нежели в Германии. Такой подход свидетельствует скорее об историографической неразработанности проблемы, а также о воздействии на прошлое современного образа православной церкви как части “партии власти”. Обращает на себя внимание следующее важное отличие: в СССР главный удар наносился по несовместимому с коммунистическим мировоззрению (“религия - опиум для народа”), в то время как нацистских лидеров не устраивало прежде всего автономное существование церковной организации, не интегрированной в рамки “национальной общности”. Жестокость идеократии по отношению к носителям религиозного сознания проявлялось в СССР гораздо более выпукло, пусть даже по своему социальному статусу они являлись самыми что ни на есть пролетарскими элементами. На первых порах власть пыталась различать между “церковниками” и “верующими”, наказывая первых и проводя разъяснительную работу среди вторых, но в практике ВЧК-ОГПУ-НКВД граница между этими категориями очень размыта.

Этически мотивированное сопротивление верующих, как иерархов церкви, так и простых прихожан, граничившее с религиозным фанатизмом, было несравненно более массовым и продолжительным, нежели его политическая составляющая. При допросах священнослужители заявляли своим палачам, что принять муки и смерть от антихриста - есть богоугодное дело, честь и слава. В деле о “церковно-монархической организации “Истинное православие””, законченном ГПУ в феврале 1931 г. (17 священнослужителей были приговорены к расстрелу), приводится проведённый одного из арестованных: “Социалистическая власть думает, что лишение жизни есть такой ужас, что верующие из-за этого поступят и совестью, и убеждениями, и верою... Есть и всегда будет много людей, которые в вере христианской и в духовной своей жизни препобеждают страх смерти...”⁴⁴

В СССР церковь оставалась единственным институтом, сохранившим свой протестный потенциал на протяжении всего периода существования однопартийной диктатуры. Помимо нее в Германии продолжали существовать традиционные элитные структуры - внешнеполитическое ведомство, армия, юнкерские и предпринимательские союзы, близкие по своей идеологии нацизму, но так и не

---

⁴³ Кривова Н.В. *Власть и церковь в 1922-1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства*. М., 1997.

⁴⁴ Цит.по: “Хотелось бы всех поименно назвать...” с.19. См. также К.Каледа, Л.Головкова. Священнослужители и миряне, за веру и церковь в Бутово пострадавшие. - Бутовский полигон 1937-1938. Книга памяти жертв политических репрессий. Выпуск второй. М., 1998, с.16-30.

принявшие военного авантюризма фюрера. Именно в них, избежавших жесткого контроля гестапо, сформировалось ядро заговорщиков, и можно понять бешенство Гитлера, заговорившего после 20 июля 1944 г. о “предательстве близких людей”.

Сломав “буржуазный госаппарат”, большевики лишили своих противников традиционных очагов сопротивления. Разгромленный на институциональном уровне, общественный протест атомизируется, становится уделом одиночек и небольших групп единомышленников. “Поймать” факты индивидуального сопротивления, особенно в том случае, если они остались без внимания карательных органов - чрезвычайно трудная исследовательская задача, но решать ее абсолютно необходимо. Пока успехи отечественной историографии на этом направлении ограничиваются отдельными примерами. Так, вплоть до начала 30-х гг. “буржуазные специалисты” не оставляли попыток воздействовать на курс правящей партии. Большая группа “попутчиков” в годы нэпа работала в Госплане и долгое время успешно сопротивлялась введению директивного планирования. Не ставя под вопрос марксизм в целом, они настаивали на нерациональности тотального обобществления, превращавшего взяточничество в государственный институт, предлагали свое видение “кооперативного пути к социализму”⁴⁵.

Субъективно эти люди не относили себя к деятелям сопротивления, их сотрудничество с новой властью вытекало скорее из теории “малых дел”, традиций земского движения начала века. Однако они представляли реальную опасность иного мнения, способного подорвать устои идеократической системы. Как и в нацистской Германии, власть смогла мобилизовать массовое сознание под лозунгом “отречемся от старого мира”. Если ведомство Геббельса делало ставку на духовную сферу (вспомним выставку “Вырожденческое искусство”, на которой были представлены произведения искусства, не вписывавшиеся в арийские каноны), то в СССР решающей оставалась область производства. Советские рабочие в целом поддерживали “спецеедство”, связывая с ним как улучшение своего социального положения, так и возможности карьерного роста. Низкий уровень политической культуры масс позволял руководству страны не только уходить от ответственности за провалы экономической политики, но и указывать на все новых “козлов отпущения”. Оно сумело связать “вредительство буржуазных специалистов” не только с обострением классовой борьбы в СССР, но и с экономической интервенцией стран Запада.⁴⁶

---

⁴⁵ См. раздел “Социал-демократическая и либерально-демократическая альтернативы большевистскому НЭПу” - *Политические партии России в контексте ее истории*. Ростов-на-Дону, 1998, с.235-249.

⁴⁶ См. выступление Сталина на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) - РГАСПИ. Ф.17, оп.2, д.354, ч.2, л.43.

В СССР политическое сопротивление было более широким, нежели в Германии, включая в себя элементы национально-освободительной борьбы, особенно в Прибалтике и на Северном Кавказе. Шире был и спектр общественного протеста. Значительная часть его институтов была объявлена на протяжении 20-30-х гг. “антисоветскими”, что автоматически приводило их активистов в ряды противников режима. Порой речь шла о совершенно невинных организациях вроде потребительской кооперации (им приписывались нетрудовые доходы), обществ радиолюбителей (связь с границей) или кружков по изучению эсперанто (просто нечто непонятное). Все, что имело хоть какое-то отношение к внешнему миру, воспринималось тоталитарным государством как враждебное, подрывавшее его монополию на информацию, его “право правды”.

Если национал-социализм жил культом собственной нации, то сталинизм отличал антикульт - ненависть ко всему иностранному - получивший максимальное развитие в послевоенные годы. Дело дошло до законодательного запрещения браков между советскими гражданами и иностранцами. Последние оказывались “группой риска” еще и потому, что в их образе жизни было много такого, что в СССР воспринималось как неконформизм. Это касалось даже коммунистов. Немецкие политэмигранты, например, слушали радио из Германии, переписывались с границей, хранили сочинения попавших в опалу оппозиционеров. В воспоминаниях функционера КПГ Г.Венера, который станет одним из лидеров послевоенной западногерманской социал-демократии, есть характерный эпизод - в 1937 г. он собирает в своей комнате в отеле “Люкс” книги, которые могут оказаться “антисоветскими”, и идет топить их в Москве-реке.

Люди с иностранным прошлым выступают потенциальными носителями иного образа жизни, культуры, а значит и политического поведения. Не случайно в жаргоне НКВД второй половины 30-х гг. применяется термин “лица враждебной национальности” по отношению к немцам, полякам, японцам, т.е. к выходцам из тех стран, отношения с которыми у Советского Союза в межвоенный период отличались особой напряженностью. Здесь теряется как “классовый критерий” репрессий против них (как правило, это были коммунисты, политические эмигранты), так и элемент личной вины. Антисемитская кампания на закате сталинского правления не только дает повод для ее сопоставлений с предысторией нацистского геноцида⁴⁷, но и показывает все менее явную взаимосвязь государственного террора и реального сопротивления в диктатурах XX века.

Если применительно к террору мы можем говорить о “группах риска” с определенными национальными, социальными или политическими характеристиками, то во втором случае также можно выделить сегменты общества с повышенным потенциалом сопротивления. О некоторых из них уже шла речь - это верую-

---

⁴⁷ Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина.- *Вопросы истории*. 1999, №7.

щие, “бывшие”, политизированная интеллигенция. Немецкая историография заставляет обратить особое внимание и на такую социальную группу, как молодежь, прежде всего студенческая. Молодежный протест в условиях “третьего рейха” стал активно изучаться на рубеже 70-х гг., после того как ФРГ пережила острый внутривнутриполитический кризис, связанный с волнениями студенчества в Западном Берлине, Гамбурге и других крупнейших городах. До тех пор символом антифашистской деятельности являлась студенческая организация “Белая роза” в Мюнхене, распространявшая в 1942-1943 гг. листовки, призывавшие немецкий народ сбросить ярмо коричневой диктатуры⁴⁸.

Личное мужество участников антифашистских групп, делавших ставку на пропаганду, не могло компенсировать отсутствия жизненного опыта, незнания правил конспирации. Как правило, существование этих групп обрывалось вместе с жизнью их духовных лидеров. Однако с началом войны гестапо пришлось столкнуться с гораздо более широким выражением молодежного протеста, охватившим выходцев из социальных низов. В крупных городах на Рейне, в Саксонии, других частях рейха стали появляться банды беспорядочной молодежи допризывного возраста, вызывающе одевавшиеся, имевшие собственную иерархию и нацеленные на воинственное противостояние с “Гитлерюгендом”. По названию одной из крупнейших организаций такого типа немецкая историография говорит о “движении пиратов эдельвейса”⁴⁹. “Пираты” не имели позитивной программы действий, их объединяло неприятие существовавшей системы - отсюда драки с молодыми нацистами, помощь военнопленным и иностранным рабочим, распространение частушек и анекдотов, дискредитировавших лидеров “третьего рейха”. Власть видела в этом отнюдь не мелкое хулиганство, а антигосударственное преступление, стоившее пойманному “пиратам” заключения в концлагерь, а нередко и смертного приговора.

---

⁴⁸ Scholl I. *Die Weiße Rose*. Frankfurt a.M., 1961.

⁴⁹ Peukert D. *Die Edelweißpiraten. Protestbewegungen jugendlicher Arbeiter im Dritten Reich*. Köln, 1980.

Более распространенным был пассивный уход молодежи от политики и навязчивой пропаганды, с которым репрессивный механизм оказался не в состоянии эффективно бороться. Объектом исследования немецких историков становятся и группы туристов, устраивавших несанкционированные походы вопреки заградительным отрядам “Гитлерюгенда”, и элитарные “общества свинга”, преклонявшиеся перед англосаксонской культурой. Молодые люди более остро воспринимали лживость официальной пропаганды и пытались найти себе нишу там, где она их не достигала - “выйти на природу, но не маршировать при этом, пойти потанцевать или отправиться на концерт. Их объединяло неприятие того, чему они должны были быть воспитаны”⁵⁰.

Буквально теми же словами говорит о ситуации в советской молодежной среде лидер одной из “антисоветских групп” Л.Н.Краснопевцев (членами группы являлись студенты и преподаватели исторического факультета МГУ, они были арестованы в 1958 г.). “Репрессии государства, непрерывные погромы в науке, искусстве и даже в столичных партийных организациях, проводившиеся с вызывающим цинизмом и сплошными фальсификациями, безумные внешнеполитические авантюры типа Кореи - все это не оставляло выбора для молодежи конца 40-х - начала 50-х гг.. Освобождение молодежи от большевизма было движением мощным, многослойным и принимало самые разнообразные формы. Отрицанию подвергались все стороны сталинского послевоенного образца - от широких штанов, пиджаков с ватными плечами и причесок “бокс” до искусства соцреализма. Усиливается тяга к западной культуре, формам быта, человеческих отношений”⁵¹.

Если в Германии внимание политической полиции было обращено на молодежный протест достаточно поздно, лишь после того, как “Гитлерюгенд” сам оказался под натиском нонконформистски настроенной городской молодежи, то в Советском Союзе, по отношению к молодежи, равно как и по отношению к другим группам потенциального сопротивления, проводилась активная “профилактическая работа”. Этим контингентом занимались специальные подразделения Главного управления госбезопасности НКВД, имевшие широкую агентурную сеть среди преподавателей и студентов в вузах и даже в школах. Пик репрессий по отношению к молодежи (в относительных цифрах ко всему населению) в СССР пришелся на послевоенные годы. Названия разоблаченных организаций говорят сами за себя: “Коммунистическая партия молодежи”, “Коммуна”, “За социализм” и т.д.⁵². Их члены сочетали в своем мировоззрении национальную гордость и приверженность социальному эксперименту, начатому в октябре 1917 г.,

---

⁵⁰ *Widerstand und Verweigerung...* S.21.

⁵¹ “Дело” молодых историков 1957-1958. - *Вопросы истории*. 1994, № 4. с.107.

⁵² ГУЛАГ...с.24-26.

и именно эти качества заставляли их не соглашаться с лживостью пропаганды и косностью структур позднего сталинизма.

Гражданское сопротивление послевоенных лет порой излишне связывают с последствиями победы СССР в войне. Да, элемент “внутреннего освобождения” и знакомства с Европой присутствовал⁵³. Но он не был решающим. Просто в жизнь вступало новое поколение, еще не сломанное террором, а потому оно “выключалось из традиционной атмосферы громкой комсомольской идейности”, создавало “устойчивые небольшие коллективы близких друзей с демократическими настроениями”. Так, в группе Краснопевцева на первом плане находилась не пропаганда собственных взглядов, а желание разобраться в жизни самим и сплотить вокруг своих оценок узкий круг единомышленников.

***

Разоблачение Хрущевым “культы личности” и общая либерализация жизни в СССР в середине 50-х гг. привели к трансформации сопротивления. В нем вновь, как и три десятилетия назад, стали преобладать настроения к усовершенствованию системы, поиску “правильного социализма”. Меняется и практика борьбы с сопротивлением: государство переходит от превентивного террора к точечным ударам, начинает обращаться со своими гражданами “по правилам”, пусть даже произвольно установленным в целях сохранения существующей власти. У каждого члена общества появляется выбор - идти или не идти наперекор системе. Террор “сверху” перестает быть позитивом в партийной идеологии - тоталитарная модель перестает работать. Отступая, уходя из сферы досуга и личной жизни своих граждан, государство открывает шанс возрождения политического сопротивления, традиции которого хранила в 30-50-е годы российская эмиграция. Начинается эпоха инакомыслия, достаточно хорошо известная нам и по воспоминаниям самих диссидентов, и из историографии⁵⁴.

Здесь открываются новые возможности для сравнительного анализа политической практики в послесталинском СССР и в “западном форпосте социалистического лагеря” - ГДР. Проблема сопротивления общества правящему режиму в ГДР оставалась “табу” для восточногерманских историков, обойдена она была вниманием и в историографии ФРГ. Лишь после открытия архивов Министерства госбезопасности и исчезновения этой страны с карты мира начался настоящий бум исследований в этой области, ей была посвящена работа специальной экс-

---

⁵³ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945-1964. М., 1993, с.16-44.

⁵⁴ Л.М.Алексеева. История инакомыслия в СССР. М., 1992, А.Б. Безбородов. Феномен академического диссидентства. М., 1998.

пертной комиссии бундестага⁵⁵. Наряду с необходимой реабилитацией жертв политических репрессий активная исследовательская работа является частью масштабного процесса осмысления “второй немецкой диктатуры”. Опыт антифашистского сопротивления, ставший составной частью демократического перевоспитания немецкой нации после 1945 г., оказался востребованным вновь. Опросы общественного мнения показывают, что население бывшей ГДР продолжает испытывать синдром “побежденных”, и разделение страны по социально-географическому признаку пока еще сохраняется.

Граждане бывшего Советского Союза, воспитанные в духе “народа-победителя”, также болезненно переживают и распад еще недавно великой державы, и ставку новых политических элит на форсирование национальной идеологии, включая и ее историческую составляющую⁵⁶. Прошедшие годы показывают, что мы в отличие от немцев пока не научились извлекать уроки из поражений. Использование германского опыта либеральной, но весьма эффективной системы политического образования населения, внимательный анализ ее содержательных акцентов мог бы принести немалую пользу в оздоровлении российского общественного сознания.

Немецкие историки и политологи вынуждены прежде всего решать принципиальный вопрос о возможности использования отработанной методики изучения антифашистского сопротивления на историю “второй германской диктатуры”. Их российских коллег интересуют скорее возможности сопоставления с советским опытом и внутренняя динамика самого процесса сопротивления, а также используемый для его анализа категориальный аппарат. Так, применительно к истории ГДР различают политическую оппозицию и собственно сопротивление - первая уходит корнями в традицию парламентской демократии и принимает за чистую монету обещания равноправия всех участников “антифашистско-демократического блока”, использует прежде всего возможности легальной борьбы. Оппозиционная политика лидеров ХДС и ЛДП в 40-е годы приводила к неоднократным чисткам этих партий, выступавшим в роли “приручения к диктатуре”. В 50-е годы оппозиция уже возможна только как фактор внутривнутрипартийной борьбы в СЕПГ, и здесь так же, как и в первом советском десятилетии, достаточно трудно отделить критических попутчиков от осторожных противников режима.

Сопротивление в отличие от оппозиции понимает свою нелегитимность в условиях диктатуры, стремится к нелегальным методам борьбы, изначально берет в расчет ответные репрессии власти. Его позитивные установки, в отличие от программ оппозиционных партий или течений, более размыты, формы борьбы гораздо шире. Как и в СССР, на первом этапе (40-50-е гг.) сопротивление в ГДР

---

⁵⁵ См. обзор литературы в статье: Fricke K.W. Dimensionen von Opposition und Widerstand in der DDR. - *Widerstand und Opposition in der DDR...* S.21-44.

⁵⁶ *Национальные истории в советском и постсоветских государствах.* М., 1999.

опиралось на опыт прошлого и демонстрировало “фундаментальное неприятие” партийной диктатуры, а затем стало все больше ориентироваться на поиск путей реформирования существовавшей политической системы. Опыт веймарской демократии определил сквозное требование оппозиционеров на протяжении всей истории ГДР - свободные выборы и формирование на их основе новых органов власти.

Хронологически синхронизированными оказались моменты активизации оппозиционного движения в СССР и ГДР, пришедшиеся на середину 50-х и вторую половину 70-х гг. Вместе с тем совершенно очевидно, что простое отождествление истории сопротивления в обеих странах невозможно. Чувство “расколотой родины”, на первых порах не игравшее определяющей роли в позиции противников режима, оказывается на первом плане после того, как руководство ГДР переходит к идеологическому наступлению в этой области, провозглашая наличие “социалистической немецкой нации”. Значительно большим было воздействие на население ГДР электронных средств массовой информации Запада. Если на Советский Союз вещали специальные радиостанции, что в какой-то степени ослабляло эффективность их воздействия, то восточные немцы слушали передачи, обращенные к их западным соотечественникам и потому лишенные привкуса зарубежной пропаганды.

После того, как лидерство перешло от радио к телевидению, господство западных ценностей в умах и сердцах жителей ГДР, почти поголовно принимавших телесигнал из ФРГ, стало бесспорным. Не случайно решающий момент краха диктатуры - падение берлинской стены 9 ноября 1989 г. - во многом был обеспечен “живыми репортажами” западных телекомпаний, заставивших жителей столицы ГДР покинуть свои дома и присоединиться к группам молодежи, осаждавшим пограничные КПП.

“Стена” стала самым зримым олицетворением несвободы - до ее построения в 1961 г. у населения ГДР оставалось право выразить свое отношение к политической системе ногами, перебравшись в Западный Берлин, а оттуда в ФРГ. За пятнадцать послевоенных лет такой возможностью воспользовались более двух миллионов человек. Власти ГДР и их советские “кураторы” были вынуждены учитывать этот фактор, хотя 50-е годы ни в коей мере нельзя назвать либеральным десятилетием в истории восточногерманского государства. Массовое сопротивление новой диктатуре на первых порах парализовалось осознанием того, что она стала наказанием немецкого народа за преступления нацистского режима и одновременно освящалась авторитетом оккупационных властей. Не случайно в “специальных лагерях” советской зоны оккупации, в том числе и в Бухенвальде, послевоенные оппозиционеры содержались вместе с бывшими нацистами. На настроении политической элиты сказывалась и историческая память о том, как

жестоко была подавлена политическая оппозиция уже в первые месяцы существования “третьего рейха”.

Учитывая это, официальная пропаганда ГДР объявляла любой протест против диктатуры СЕПГ “фашистскими вылазками”, в таком ключе трактовались и массовые выступления рабочих Берлина 17 июня 1953 г. Впоследствии акцент был перенесен на доказательство того, что протесты инспирировались “агентами боннского режима”. Следует отметить, что ФРГ действительно не жалела усилий по поддержке антикоммунистического сопротивления в ГДР, опираясь на уникальные возможности, которые давала открытая граница в Берлине. Просьбы немецких историков предоставить им материалы западногерманских спецслужб хотя бы по периоду 50-х гг. пока не привели к ощутимым результатам⁵⁷.

Представляется явным упрощением занесение тех жителей ГДР, которые занимались шпионажем в пользу Запада, к участникам сопротивления. Здесь открывается широкое поле для дискуссий, в том числе и в отечественной историографии, которая должна помочь в решении практических вопросов, например, реабилитации советских политических деятелей, дипломатов и разведчиков, ушедших за “железный занавес” на протяжении семидесяти лет партийной диктатуры. Кто они - предатели родины или борцы с системой? Где здесь проходит граница нравственности и долга - по антисталинским памфлетам Троцкого, по армии генерала Власова, разоблачительным книгам Резуна и Гордиевского? Каждый из перебежчиков заявлял, что “выбрал свободу”. Является ли это достаточным основанием для его освобождения от ответственности по современным российским законам, допустимы ли здесь параллели, например, с “голосованием ногами” в ГДР?

Среди задач, стоящих перед отечественными исследователями сопротивления, на первое место следует поставить расширение источниковой базы. Здесь можно только позавидовать немецким коллегам, имеющим уникальные возможности для публикаций - стоит лишь назвать такой масштабный проект, как издание материалов судебных процессов 1933-1945 гг. по политическим преступлениям⁵⁸. Краткий срок существования “третьего рейха” привел к тому, что в Германии уже с конца 40-х гг. начали публиковаться документы и мемуары участников антифашистского сопротивления. У нас же воспоминания тех, кто вел антикоммунистическую борьбу и стал жертвой репрессий в межвоенные годы, являются редкими исключениями. Простая запись пережитого в неподцензурной форме могла вернуть ее автора в объятия ГУЛага. Сейчас такая работа ведется “Мемориалом”,

---

⁵⁷ *Widerstand und Opposition in der DDR...* S.18-19.

⁵⁸ Издание на микрофишах имеет общий объем в 70 тыс. страниц, в нем приводятся материалы почти двух тысяч судебных процессов. - *Widerstand als “Hochverrat” 1933-1945. Die Verfahren gegen deutsche Reichsangehörige vor dem Reichsgericht, dem Volksgerichtshof und dem Reichskriegsgericht.* München, 1994-1998.

но много ли осталось людей, способных рассказать об изломе своей судьбы в 20-30-е годы? Да и на оставшихся в живых накладывает свой отпечаток пережитый страх, а также нежелание современного российского общества заниматься своим советским прошлым.

Далеко от совершенства законодательство о реабилитации жертв политических репрессий. Правильно ли то, что жертвами политических репрессий оно в равной степени признает и священника, пострадавшего за свои проповеди, и следователя ежовского НКВД, арестованного после того, как Сталин закрутил винтик “большого террора”? Разве фальсифицированное обвинение, предъявленное им обоим, нивелирует их отношение к политическому режиму, их соучастие в нем или сопротивление ему? Личные дела служащих государственного террора продолжают храниться в ведомственном архиве, только для избранных открыта статистика репрессий, приказы и оперативные документы политической полиции. Жестко ограничен доступ и к следственным делам реабилитированных жертв политических репрессий - их могут посмотреть только ближайшие родственники, при этом работники архива оставляют за собой право изъятия служебной переписки и прочих документов. Историк, желающий написать о том или ином человеке, получает лишь краткую справку из его следственного дела, не раскрывающую обстоятельств ареста, следствия и обвинения. Следует признать, что в извечном споре научных исследователей и хранителей ведомственных тайн победа пока на стороне последних.

Решение проблем, связанных с источниковой базой, должно привести отечественных исследователей сопротивления от его событийной к социальной истории. Значительный по сравнению с другими диктатурами период существования СССР позволяет ответить не только на вопросы о том, кто, как и почему не мог мириться с новой властью, но и проследить динамику общественного и политического протеста, сочетание его с настроениями конформизма в общественном сознании. Необходима разработка типологии (но не иерархии!) форм и методов сопротивления в условиях диктатуры с привлечением послевоенного опыта Восточной Европы. Познавательные возможности сравнительного анализа несомненны, но их не следует абсолютизировать. Достаточно указать на уникальность крайних форм политического протеста - события 20 июля 1944 г. являются классическим военным путчем, не имевшим аналогов в германской истории (а в российской сопоставимым разве что с восстанием декабристов).

Наконец, следует подумать и о месте отечественного сопротивления в европейском контексте “тоталитарного столетия”, “века крайностей”, “эпохи всемирной гражданской войны”. Каждая из диктатур заявляла о своем революционном предназначении, призывала сторонников отречься от старого мира и рассматривала противников как тормоз на пути человеческого прогресса. Тот, кто отказывался плыть в революционном потоке, мог опереться только на чувство собст-

венного достоинства и право иметь иное мнение - право, подразумевавшее сопротивление нелегитимной власти. Не всегда этот якорь оказывался достаточным для того, чтобы избавить народы от бездумных авантур того или иного мессии, но разве это дает нам повод забыть о нем, а тем более исключить его из арсенала современного гражданского общества?

Если германское общественное мнение шло от отторжения сопротивления из исторического сознания к принятию его “интегральной модели”, то в СССР интерес к антикоммунистическому сопротивлению пережил прямо противоположную динамику - прорываясь в 60-70 годы сквозь официальные трактовки “белогвардейщины” или “кулацкого террора”, он выражался в чтении эмигрантской литературы и самиздата, прежде всего “Архипелага ГУЛаг”, популярности песен про “поручика Голицына”, и даже в монархических настроениях известной части интеллигенции. Вспыхнув ярким светом в годы перестройки, он быстро перегорел.

Граждане Советского Союза, сказав свое “нет” диктатуре на рубеже 90-х гг., ныне как будто застыдились содеянного. Общество потеряло интерес к собственному прошлому - настоящее стало казаться ему гораздо страшнее и “чернее”. Теряется культура научных дискуссий, исследования ведутся под заказ тех зарубежных коллег или организаций, кто может их оплатить. Историки советского периода перестали печататься в средствах массовой информации, их вытеснили отсюда “шпионские страсти”. До сих пор не появилось ни одной работы, обобщающей опыт антикоммунистического сопротивления в СССР - эта тема отдана на откуп обществу жертв политических репрессий вроде “Мемориала”, нравственные устремления которых (бесспорно, благородные) явно превышают их научный потенциал. Общественный и научный интерес до сих пор прикован к проблеме “большого террора” 1937-1938 г., когда репрессировались в подавляющем большинстве невинные люди, и почти не замечает периодов, когда политическая полиция боролась с реальными противниками партийного режима.

Очевидно, что в России не годятся рецепты “преодоления прошлого” немецкого образца, вряд ли будет востребован и испанский вариант равноудаленности общественного мнения от партий гражданской войны. Нынешняя российская власть призывает к примирению и согласию, что по идее должно подразумевать и примирение с прошлым. Но в данном случае это выступает как политический заказ, объективно сужающий поле научных дискуссий. Более того, за каждым заключением или гипотезой историков масс-медиа стремятся увидеть тот или иной партийный интерес.

Вдвойне и втройне это касается таких рискованных тем, как сопоставление диктатур XX века, их отдельных элементов и процессов внутренней эволюции. Говоря об антитоталитарном сопротивлении в Советском Союзе и нацистской Германии, нельзя терять из виду того, что на последней лежит ответственность

за десятки миллионов жертв второй мировой войны. Да и ее советско-германская составляющая не была просто схваткой двух диктаторов за влияние в Восточной Европе - речь шла прежде всего о дальнейшем существовании народов СССР. Абсолютное зло гитлеровского режима упрощает работу исследователей антифашистского сопротивления. Все, что работало против него, рассматривается как вклад в общую победу над нацизмом, пусть даже с оговорками. Позитивный образ сопротивления 1933-1945 гг. гарантирован не только научным сообществом, но и всей политической системой ФРГ, рассматривающей себя в качестве его законной наследницы.

Историческое наследие режима Сталина и его эпигонов вряд ли когда-либо получит выверенные, академически точные оценки, не несущие на себе привкуса политической конъюнктуры. Модернизация страны, победа в тяжелейшей войне, выход на передовые рубежи науки и техники - на все это нельзя закрывать глаза, сводя советскую историю к расхожим “тоталитарным” формулам. Но все это ничуть не умаляет морального подвига людей, выступивших против гнета и лжи диктатуры и заплативших за это остатками личной свободы, а порой и жизнью. Нужно скорбеть о невинных жертвах сталинского террора, однако в неменьшей степени нужно отдать должное и тем, кто был “виноват” - виноват уже в том, что его личная позиция не совпала с “генеральной линией” и он не пошел на компромисс с собственной совестью.

Молодые офицеры Советской Армии, такие как Лев Копелев или Александр Солженицын, прошедшие всю войну и на ее исходе отправленные в ГУЛаг - разве это не яркий символ того, что нашу историю нельзя разделить на “советскую” и “антисоветскую” половинки? Обретение нравственных устоев современного российского общества невозможно без обращения к героике прошлого. Профессиональный долг историка - восстать против ее сведения к массовым мероприятиям, помпезным датам и обезличенным кумирам. “Подвиг народа”, о котором любили говорить власть предержащие во все времена, складывается из усилий миллионов одиночек, из уникальных личных судеб, не сломленных веком колючей проволоки.